

Александр Верховский (Центр «Сова»):

Попробую выступить быстро.

Чей мотив выступает критерием для понятия политзаключенный? Я считаю, что к определению, данному Валерием Чалидзе, должен быть добавлен некий мотив действия самого заключенного. Это нужно для того, чтобы не попадали в список люди, преследуемые властью исключительно по коммерческим соображениям.

В «споре Черкасова-Давидиса» по презумпции – я полностью на стороне Черкасова. Я считаю, что для общественных деятелей основным предметом защиты является общественный интерес. Этим он отличается от адвоката. Иная позиция может завести очень далеко. Кстати, это не имеет отношение к тому, кто такие политзаключенные. У меня, кстати, само слово не вызывает никаких положительных ассоциаций.

Что касается антиэкстремистского законодательства, то существует некая сформировавшаяся мифология вокруг этого. Например, непосредственно за высказывание, или просто за членство в организациях, сидит не так много людей. В этом списке (показывает) они практически все перечислены за малым исключением, как я думаю. Много людей сидит за насильственные преступления по разным идейным мотивам. И это тоже преступления экстремистского характера, согласно нашему законодательству. Таких людей сотни (может, под тысячу уже). И я знаю мало случаев, когда кому-нибудь из них давали бы слишком много, зато знаю случаи, когда дают слишком мало.

Я согласен с Натальей Холмогоровой, что следует ввести категорию преследуемых по политическим мотивам. В отличие от политзаключенных они не сидят, но тоже находятся под давлением.

Если мы говорим, что человек осужден за слова, - это не тождественно тому, что он является узником совести. Насколько я знаю, во всех европейских странах, подписавших Европейскую конвенцию, люди, выступающие с определенного рода публичными подстрекательскими призывами, будучи наказанными за это, – не считаются политзаключенными. Если меня поправляют, то скажем, что речь не об оправдании Холокоста, а о публичных призывах определенного толка.

К таким призывам относится и свержение всей системы власти, если это реальный призыв, а не болтовня какая-то. Это и призывы к убийствам. Самое распространенное – это убийства по расистским мотивам, но могут быть и какие-либо другие. Нельзя сказать, что мы должны взять и отменить злополучную 282-ю статью или еще что-то. Потому, что если мы находимся в европейском пространстве, то мы должны не отменять кусок нашего законодательства, который у нас безнадежно испорчен, а привести его в соответствие с европейским законодательством. Оно более или менее базируется на Европейской конвенции. Понятно, что моментально это не сделаешь.

Нет универсального способа при определении политзаключенных, но если мы видим законодательство (антиэкстремистское), которое их порождает в большом количестве, нужно требовать его пересмотра. Как именно - отдельный вопрос, но приведя к стандартам Западной Европы. После изменения законодательства и возникнет возможность и потребность пересмотреть большое количество дел. Если эти дела пересмотрят, то много людей выйдет на свободу, но много и не выйдет по новому закону.

Власть всегда «никакая» в этом отношении. Сама она не изменит так законодательство в отношении определенных ограничений свободы слова, чтобы всем это понравилось. Кто-то останется сидеть по одному мнению за легальные призывы, а, по другому мнению, эти же призывы криминальны. Неизбежна такая ситуация, и применение подобных законодательств избирательно всегда и в любой стране. К сожалению, это так, не бывает, чтобы все одинаково наказывались за такие призывы. Это плохо, но это так.

Мне очень понравилась идея некоего совета по рассмотрению знаковых дел, не с тем, чтобы составить некий список: это и громоздко и невозможно. Так как одним из ключевых вопросов является доказательность в знаковых делах, тогда именно этот совет, составленный

из квалифицированных людей, мог бы разобраться и представить общественности некоторое нейтральное мнение. Спасибо.